

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ПОЭТ, ДИПЛОМАТ, ПРОРОК

К 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина

В 1817 году, то есть двести с лишним лет тому назад, на государственную службу в Министерство иностранных дел Российской империи были зачислены трое выпускников Императорского Царскосельского лицея – Александр Сергеевич Пушкин, Вильгельм Карлович Кюхельбекер, Александр Михайлович Горчаков и выпускник Московского университета Александр Сергеевич Грибоедов. Все четверо впоследствии стали знаменитыми персонажами русского девятнадцатого века.

В конце 2017 года в Министерстве иностранных дел России состоялся историко-литературный вечер, посвящённый дипломатам, сделавшим свой вклад в литературную жизнь России, который открыл Сергей Викторович Лавров такими словами: “Во все времена в Министерстве иностранных дел трудились преданные люди, многие из которых обогатили сокровищницу отечественной культуры”.

Среди многих выступавших на этом вечере сотрудников МИДа членов Союза писателей России В. Мосолова, В. Казимилова, В. Василенко и гостей слово о Пушкине-дипломате произнёс и главный редактор журнала “Наш современник” Станислав Куняев.

“Дорогие друзья, мне очень приятно побывать сегодня на вашем празднике. Послушал, как выступает ваша молодёжь, и думаю, что они нас не подведут и не будут, как американские высокопоставленные дипломаты, путать Австрию с Австралией.

Перед тем, как сюда прийти, я перелистал свой заветный десяти томик Пушкина, который вожу с собой уже лет 40 или 50, с тех пор, как меня после окончания МГУ послали учительствовать в маленький сибирский город Тайшет. Так происходит, что всегда, перечитывая Пушкина, я открываю для себя что-то новое, хотя, кажется, знаю его от корки до корки. И вот что я подумал. Александр Сергеевич никогда за свою короткую жизнь не выезжал за границу. Но каким-то чудом он лучше многих политиков и других людей – интеллигенции, дворянского света, своих друзей-поэтов, регулярно выезжавших в Европу, – понимал сущность всякого европейского и не только европейского народа, – какой-то Божьей милостью, данной ему свыше.

Хотим мы, например, знать, какие из себя поляки? Читаем “Бориса Годунова” про Марину Мнишек, Гришку Отрепьева, польскую шляхту и понимаем характер и менталитет поляков.

Закроешь страницу “Пира во время чумы” и понимаешь, кто такие англосаксы.

Прочитаешь “Скупого рыцаря”, и не нужно тебе больше изучать, что такое немцы, кто такие “псы-рыцари”. Зёрна их национальной сущности Пушкин уже уловил, написав эту **маленькую трагедию**.

Восхищаешься “Подражанием Корану” — и уже знаешь, какие они, арабы.

Прочитаешь “Песни западных славян” и заплачешь вместе с сербами об их судьбе.

Нужно тебе постичь испанский характер — читай “Каменного гостя”.

О французах я уже и не говорю. Пушкина и в Лицее звали “французом”. Он, часто цитировавший Вольтера, Дидро и других, как никто другой знал и понимал Францию, пожалуй, даже лучше большинства учителей французского, оставшихся после нашей победы в войне 1812 года чуть ли не в каждой второй дворянской семье в России. А образы русских! Пугачёв, Гринёв, Савельич, Маша, Швабрин — одна “Капитанская дочка” — это целый мир, а добавьте к нему Онегина либо Троекурова или работника Балду — и вот вам чуть ли не вся Россия...

Америка тогда только-только появилась на исторической арене. Прошло всего несколько десятилетий после возникновения Американских штатов, и Европа ещё плохо знала Америку. Но Пушкин интересовался ею и оставил запись об американской жизни... С тех пор прошло около двухсот лет, но слова Пушкина об Америке сказаны, кажется нам, чуть ли не сегодня:

“С некоторого времени Северо-Американские штаты обращают на себя в Европе внимание людей, наиболее мыслящих. [...] С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавлено неумолимым эгоизмом и страстию к доволству. Большинство нагло притесняет общество. Рабство негров посреди образованности и свободы. [...] Со стороны избирателей — алчность и зависть, со стороны управляющих — радость и подобострастие”.

Полагаю, что эти характеристики Пушкина вполне приемлемы с какими-то оговорками и для современных США. Так что Пушкин мог бы быть послом в любой из перечисленных стран, если бы не чувствовал в себе призвания поэта, потому что посол должен и обязан понимать сущность национального характера народа той страны, в которую он направляется с высокой дипломатической миссией.

Чему ещё научил дипломатов Пушкин? Он научил нас разговаривать с Европой. В 1830 году Европа (французские парламентарии) спровоцировала восстание поляков против России, что крайне взволновало Пушкина.

Осознавая, что предстоит (в современном понимании) информационная война и русскому обществу надо объяснять, что происходит в мировой истории, он идёт к Бенкендорфу с письменным предложением. Вот что он писал: **“С радостью взялся бы я за редакцию политического журнала. Около него соединил бы я писателей с дарованиями. Ныне, когда справедливое негодование и старая народная вражда, долго растравляемая зависть соединила нас против польских мятежников, озлобленная Европа нападает покамест на нас не оружием, но ежедневной, бешеной клеветой (как сегодня. — С. К.), пускай позволят нам, русским писателям, отражать бесстыдные и невежественные нападки иностранных газет”**.

Пушкин хотел завести политический журнал или газету, чтобы как-то объяснить обществу тот феномен, что вся Европа всего через 18 лет после освобождения её от Наполеона стала проклинать нас, лгать и обливать клеветой. Собственно, так же, как и сейчас: 70 лет прошло после нашей победы над фашизмом и освобождения нами Европы от Гитлера, а нападки на Россию продолжают и нет им конца.

Пушкин как патриот не мог с этим смириться. Правда, никакого журнала или газеты завести ему не позволили. Бенкендорф оставил пушкинское письмо без внимания и, может даже, не доложил о нём Николаю I, но Пушкин не сдался. Он сделал ещё один персональный выпад в этой информационной войне, причём такой, который останется навечно и в русской, и в мировой истории. Он написал два знаменитых стихотворения — “Бородинская годовщина” и “Клеветникам России”, в котором поразительным образом прозрел на два века вперёд то, что призывы французских парламентариев

(Лафайета, Могена и других) к вооружённому вмешательству объединённой Европы в русско-польские военные распри через два века повторяются эхом на Украине, куда устремятся уже не французы, но всяческие американские байдены и маккейны с теми же призывами вмешаться на этот раз не в русско-польскую, но в русско-украинскую историю. Ответ Пушкина французам сегодня можно напрямую переадресовать американцам и НАТОвцам, если вспомнить, что роль Наполеона с его “дванадесью языками” в XX веке попытался сыграть Гитлер, “объединивший” Европу подобно корсиканцу:

*И ненавидите вы нас...
За что ж? Ответствуйте, за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?*

*Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал
до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.*

Не только как великий поэт, но и как великий дипломат Пушкин уловил суть грядущих геополитических распрей и потрясений и сказал пророческие слова:

*от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды...*

Да это же чудесное пророчество! Пушкин словно бы рисует карту России и вместе с нами говорит: “Крым наш!” – а ему вторит Грибоедов строчкой из поэмы “Горе от ума”, вспоминая о временах “Очакова и покоренья Крыма”, который покорился русской императрице Екатерине Великой, а не какому-то украинскому гетману...

Но этого мало! Вспоминая “пламенную Колхиду”, Пушкин говорит об Абхазии, считая её частью великой России, и мы рано или поздно должны выполнить волю великого дипломата, великого историка, великого поэта и великого пророка Александра Пушкина. Я уверен в том, что когда Владимир Путин собирался выступать на международных аренах – в Мюнхене, в ООН, на Валдае – он, готовясь к своим историческим выступлениям, читал и перечитывал Пушкина, и Александр Сергеевич помогал найти Владимиру Владимировичу нужные слова: “Вы грозны на словах – попробуйте на деле”, “Иль нам с Европой спорить ново?”, “Оставьте, это спор славян между собою”...